

Предисловіе.

По обстоятельствамъ технического свойства, II томъ „Пушкиниста“, законченный наборомъ статей еще весною прошлаго года выходитъ въ свѣтъ только въ началѣ текущаго. Онъ изданъ по той-же программѣ, которая была изложена въ первомъ „Пушкинистѣ“ и со включеніемъ трехъ статей—г.г. Бориса Энгельгардта, Тамашева и Александра Попова, въ этой программѣ уже намѣченныхъ. Четвертая статья—Юліана Оксмана, прочитана въ университетскомъ семинаріи позднѣе.

Остальныя статьи, намѣченныя въ программѣ, а также рядъ новыхъ, вполне уже приготовленныхъ къ печати, появятся въ слѣдующихъ томахъ „Пушкиниста“, если, конечно, нашей попыткѣ создать органъ молодыхъ научныхъ силъ не суждено заглухнуть.

Извѣстныя основанія надѣются, что „Пушкинистъ“ не заглухнетъ, кажется, имѣются. Вызвавъ нѣкоторыя возраженія принципиальнаго характера, — къ нимъ, вѣроятно, придется вернуться по поводу дальнѣйшихъ этаповъ составленія Пушкинскаго словаря — сборникъ, въ общемъ, былъ встрѣченъ критикою привѣтливо *). А принимая во вниманіе спеціальнѣйшій характеръ сборника, можно констатировать, что и публика проявила интересъ къ „Пушкинисту“. Первый томъ напеча-

*) Мнѣ извѣстны слѣдующіе отзывы:

1) *И. К.*, въ „Правит. Вѣст.“ 1914, № 68. 2) „Вѣст. Евр.“ 1914, № 5. библиогр. листокъ. 3) *Валерій Брюсовъ*, „Рус. Вѣд.“ 1914, № 99. 4) „Голосъ Москвы“ 1914, № 101. 5) *Е. К. (Колтоновская)*, „Рѣчь“ 1914, № 134.

танъ въ количествѣ 1000 экз., и изъ нихъ продано около 600, такъ что издержки печатанія почти покрыты. Хочется думать, что II томъ встрѣтитъ не худшее къ себѣ отношеніе и что органъ молодыхъ пушкинистовъ окрѣпнетъ окончательно. Къ печатанію III-го „Пушкиниста“, во всякомъ случаѣ, будетъ приступлено немедленно послѣ выхода настоящаго тома.

I.

Первая изъ статей II тома — обширная работа *Барриса Эниельгардта* стремится установить схему эволюціи міроотношенія Пушкина. Она сводитъ это міроотношеніе къ постепенному нарастанію въ Пушкинѣ „историзма“, т. е. особенно - живого чувства дѣйствительности. И такое опредѣленіе даетъ нѣчто болѣе общее, чѣмъ обычныя попытки характеризовать міросозерцаніе Пушкина чисто-литературнымъ понятіемъ *реализмъ* или очень уже эллинистически звучащимъ словомъ *гармоничность*.

Вдумчивый, широко-поставленный анализъ молодого изслѣдователя приводитъ его къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ, такъ имъ формулированнымъ для настоящаго предисловія:

„Жизнь всякаго творческаго сознанія начинается и заканчивается въ противоположаніи себя міру и въ томъ или иномъ разрѣшеніи возникающихъ отсюда дисгармоній.

И какъ только юноша Пушкинъ освободился отъ внѣшняго и случайнаго успокоенія въ поверхностномъ эпикуреизмѣ, проблема взаимоотношенія „я“ и „внѣшняго“ міра стала на

-
- 6) „Южная Мысль“ 1914, № 859. 7) *С. Ш. (Штрайхъ)*, „Приазов. Край“ 1914, № отъ 2 июня. 8) „Кіев. Мысль“ 1914, № 86. 9) „Рѣчь“ 1914, № 76. 10) „Извѣстія Вольфа“ 1914, № 5. 11) *Н. Б.*, „Рус. Школа“ 1914, № 5—6. 12) *Б. Эйхенбаумъ*, Новое въ области „Пушкинизма“, „Рус. Мысль“ 1914, № 7. 13) *(А. Горнфельдъ)*, „Рус. Бог.“ 1914, № 7. 14) „Новая Жизнь“ (Харбинъ), 1914, № 146. 15) *М. С.*, „Столич. Молва“ (Москва) 1914, № 376. 16) *Ю. С—въ*, „Новая Жизнь“ 1914, № 6. 17) *Н. Кашинъ*, „Вѣст. Евр.“ 1914, № 8. 18) *Ив. Розановъ*, въ „Голосъ Минувшаго“ 1915, № 6. 19) *Фатовъ*, въ „Вѣст. Воспит.“ 1915, № 20) „Рус. Библиофиль“ 1914, № 5.

очередь въ его сознаніи, отлившись въ форму романтическаго бунтарства.

Но бунтарство это было совершенно особаго рода. Бунтъ поэта не выходилъ за предѣлы „возстанія“ противъ особенностей уклада соціальной жизни. Пушкинъ не былъ способенъ подняться на высоты всеобщаго отрицанія, метафизическаго Nein, какъ Гете, Лермонтовъ и Байронъ; напротивъ передъ „рокомъ“ онъ смирялся и съ Богомъ никогда не боролся.

И его бунтарство противъ „толпы“, человѣческаго общества, покоилось на полусознанномъ убѣжденіи въ томъ, что соціальная среда есть продуктъ свободнаго творчества свободной воли человѣка, который несетъ всю отвѣтственность за недочеты общества. Это—почва его „возстанія“, нашедшая свое яркое отраженіе въ „Историч. Забѣчаніяхъ“, „Съятелѣ“, „Братьяхъ Разбойникахъ“.

Но, лишь только Пушкинъ почувствовалъ сверхчеловѣческую неизбежность въ индивидуально- и соціально-человѣческомъ дѣяніи (источникомъ этого сознанія были, вѣроятно, переживанія трагизма страсти), бунтарство его затихло подъ вліяніемъ сознанія, что „всюду страсти роковыя и отъ судьбы защиты нѣтъ“.

Въ „Цыганахъ“ „хоръ“ — „таборъ“, и „страсть“, и „юная дѣва“ пережиты трагически, какъ носители и исполнители сверхличнаго „закона“ судьбы. И въ „Цыганахъ“, въ старомъ цыганѣ дана форма подчиняющагося этому закону сознанія личности. Но на слѣпомъ подчиненіи року стараго цыгана творческое сознаніе Пушкина не могло остановиться. Необходимо было оправданіе такого подчиненія—*примиреніе* съ рокомъ. Это оправданіе было дано въ историческомъ созерцаніи жизни, въ которомъ рокъ явился исторической необходимостью, реализующей въ ирраціональномъ процессѣ исторіи высокія этическія цѣнности. Слепой рокъ сталъ этически цѣнной необходимостью ирраціональнаго прогресса и съ нею можно

было примириться. Это новое воззрѣніе на міръ людской дано въ „Борисѣ Годуновѣ“ и сопутствующей ему лиричѣ.

На почвѣ историческаго воззрѣнія у Пушкина созданъ цѣлый рядъ новыхъ, пріемлющихъ міръ точекъ зрѣнія. Черни противопоставилъ „народъ“, творящій исторію, суду толпы и минутной извѣстности — судъ народа и слава въ исторіи, смерти—вѣчная жизнь въ „молодой жизни“, въ памяти потомковъ.

Но, главное, что дало Пушкину это историческое міровоззрѣніе—было уваженіе къ быту, къ повседневности, ибо это и есть та жизнь, въ которой выковываются наиболѣе устойчивыя цѣнности культуры.

Однако, такое историческое, Пименовское созерцаніе не могло владѣть поэтомъ безраздѣльно. Оно требуетъ резиньяціи, объективизма, этической оцѣнки, покоящихся на забвеніи своего „я“. А въ Пушкинѣ это „я“ часто заявляло о своихъ правахъ и, „бунтуя“, создавало цѣлый рядъ пессимистическихъ, отрицающихъ стихотвореній.

Постоянная внутренняя борьба вызывала все новые и новые пересмотры и повѣрки воззрѣній, и однимъ изъ моментовъ этой ревизіи является „Мѣдный Всадникъ“, въ которомъ эгоистическое, романтическое міровоззрѣніе осуждено съ особой силой.

Подводя итогъ, можно сказать такъ: поскольку Пушкинъ постепенно освобождался отъ эгоистическаго бунтарства, это освобожденіе было всецѣло обусловлено его историзмомъ. Историческое воззрѣніе научило его пониманію сверхличной необходимости совершающагося и превратило для него „слѣпой рокъ“ въ разумную этическую силу. Онъ пріемлетъ міръ и радостно привѣтствуетъ его: „и все то благо, все добро“, поскольку онъ смотритъ на міръ Пименовскими глазами. И въ этомъ смыслѣ „историзмъ“ есть основа его „реализма“. Исторія научила его „любви къ року“ и умѣнію видѣть отраженіе солнца въ тихомъ ручьѣ обыденной жизни.“

II.

Литературно-эстетическій этюдъ *А. А. Тамамшева* знаменуетъ собою характерный поворотъ научныхъ интересовъ современнаго студенчества. Въ той, конечно, мѣрѣ, въ какой допустимо по студентамъ-словесникамъ судить обо всемъ студенществѣ, нужно отмѣтить все растущій интересъ молодыхъ научныхъ силъ къ вопросамъ формы литературныхъ произведеній. Прежній интересъ къ широкимъ обобщеніямъ, къ этико-философскому и общественному изученію литературы какъ будто проходить. Вотъ уже 2—3 года я замѣчаю въ своемъ семинаріи, чрезъ который, благодаря обаянію имени Пушкина, проходитъ значительная часть словесниковъ, что цѣлый рядъ способныхъ юношей прямо страстно отдаются изученію стили, ритма, риѣмы, эпитетовъ, классификаціи мотивовъ, установленію аналогіи приѣмовъ у разныхъ поэтовъ и всякимъ инымъ наблюденіямъ надъ внѣшнимъ воплощеніемъ поэзіи. Этотъ интересъ является отголоскомъ того большаго вниманія къ вопросамъ поэтической формы, которое получило такое блестящее выраженіе въ работахъ Андрея Бѣлаго, а затѣмъ вызвало рядъ плодотворныхъ работъ гг. Валерія Брюсова, Недоброво, Чудовскаго, Сергѣя Боброва и др.

Не скрою, что сначала меня интенсивнѣйшій интересъ отборной части молодыхъ „пушкинистовъ“ именно къ формѣ, въ ущербъ вниманію къ другимъ сторонамъ поэтическаго творчества, какъ-то беспокоилъ. Всего менѣе потому, чтобы я не придавалъ значенія изученію внѣшняго выраженія внутренней сущности литературнаго творчества. Я придаю этому изученію формы огромное научное значеніе. За нѣсколько лѣтъ до расцвѣта современнаго интереса къ вопросамъ литературной формы я задумалъ составленіе Пушкинскаго Словаря, который всѣ наши интуитивныя сужденія о тайнѣ очарованія, производимаго сладкою музыкою Пушкинскаго стиха поставилъ-бы на твердую почву реальныхъ наблюденій. Но я все же, за исключеніемъ тѣхъ немногочисленныхъ случаевъ,

когда форма какъ-бы переходитъ въ самое существо содержанія, рисую себѣ отношеніе формы къ содержанію, по преимуществу, какъ золотую оправу для лучезарнаго алмаза. Для меня литература всегда была и будетъ храмомъ, въ которомъ поются священные каноны, священные только своимъ устремленіемъ къ Великой Правдѣ бытія, а не совершенствомъ своего выраженія. И вотъ въ этомъ пристальномъ вниманіи именно къ формѣ, безъ соотвѣтственнаго трепета предъ величіемъ содержанія, мнѣ чужалось какое-то холодное александринство, какое-то равнодушіе къ тому, что я называю „героическимъ характеромъ“ русской литературы. Въ неразрывной, конечно, связи Красоты и Правды, ипостась Правды, все-же, начало первенствующее. И если, по вѣщему предчувствію Достоевскаго, Красота спасетъ міръ, то, вѣдь Красота, вся преображенная внутреннимъ горѣніемъ.

По мѣрѣ того, однако, какъ я ближе приглядывался къ увлеченію молодыхъ пушкинистовъ вопросами формы, оно мнѣ представилось подъ другимъ угломъ зрѣнія. Мнѣ показалось, что психологически корень этого интереса гораздо ближе къ исканію истины, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Не слѣдуетъ-ли его объяснить крайнимъ злоупотребленіемъ другими методами изученія литературы? Не буду уже говорить объ общественно-публицистическомъ подходѣ къ литературѣ, который въ неумѣлыхъ рукахъ переходитъ въ самую противную дешевку. Но и глубокой самъ по себѣ религиозно-философскій подходъ почти ничего не даетъ для объясненія очарованія, производимаго на насъ великими произведеніями искусства. Взять хотя-бы тотъ захватывающій коментарій къ Достоевскому и Толстому, которымъ справедливо гордится критика послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Центръ тяжести его въ уясненіи и анализѣ *идей*, т. е. чего то такого, что можетъ быть удѣломъ и совершенно бездарнаго писателя. Надо-же поэтому проанализировать не только *что* даетъ великая идея, но и *какъ* она воплотилась. И

чѣмъ этотъ анализъ суще, холоднѣе, тѣмъ онъ точнѣе и слѣдовательно полнѣе удовлетворяетъ высокую жажду познанія таинственной силы, вложенной въ исканія и достиженія искусства.

А. А. Тамашевъ сначала даетъ въ своей работѣ просто сводъ всего того, что намъ извѣстно о благотворной роли осени въ исторіи Пушкинскаго творчества, затѣмъ переходитъ къ цѣлому ряду отдѣльныхъ наблюденій, достоинства которыхъ увеличивается сравнительными наблюденіями надъ приемами другихъ поэтовъ. Получается и общность приемовъ, естественная при одномъ и томъ-же сюжетѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляются и индивидуальныя особенности. Каждый поэтъ остается вѣренъ себѣ и своей эпохѣ.

Въ ряду наблюденій А. А. Тамашева можно назвать блестящимъ то, которое изложено у него въ XI главкѣ (стр. 196—198). Исслѣдователь устанавливаетъ стилистическій приемъ, который можетъ быть названъ „кольцомъ“:

„Характеренъ часто встрѣчаемый у Пушкина стилистическій методъ, который выражается въ *расчленяемости* общаго положенія въ болѣе узкія и опредѣленныя“.

Иллюстраціи, которыя авторъ приводитъ не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно правильности его наблюденія. Вотъ отрывокъ изъ „Осени“:

И пробуждается Поэзія во мнѣ:

Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ
Минута—и стихи свободно потекутъ.

Исслѣдователь поясняетъ:

„Въ первой строкѣ мы имѣемъ общее положеніе:

И пробуждается Поэзія во мнѣ.

Вторая строка суживаетъ понятіе, а затѣмъ уже звено за звеномъ мысли становятся яснѣе и опредѣленнѣе.

Словно въ большомъ кольцѣ рядъ постепенно уменьшающихся колецъ, и такъ до послѣдняго завершительнаго и самаго значительнаго стиха:

Минута—и стихи свободно потекутъ,
который возвращается къ первому стиху:

И пробуждается поэзія во мнѣ.

Расчленивъ постепенно отрывокъ, получимъ:

Поэзія—лирическое волненье
Лирическое волненье—свободное проявленье
Свободное проявленье—незримый рой гостей
Незримый рой гостей—плоды мечты
Плоды мечты—волнующіяся мысли
Волнующіяся мысли—легкія риѣмы
Легкія риѣмы—пальцы
Пальцы—перо
Перо—бумага
Бумага—минута
Минута—стихи.

Такъ одно изъ другого вытекаетъ каждое слово и возвращается къ своему началу, образуя кольцо: поэзія—стихи“.

Въ частыхъ бесѣдахъ о Пушкинѣ, мнѣ не разъ приходилось указывать на одно великое достоинство Пушкина, почти аналогичное *кольцу* — на строгую, стройную и потому художественно-гармоничную *постепенность*, съ которой Пушкинъ всегда даетъ детали рисуемыхъ имъ картинъ. Взять хотя-бы описаніе Полтавскаго боя или, всего лучше, знаменитое описаніе украинской ночи въ той-же „Полтавѣ“:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещуть.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чугъ трепещуть
Сребристыхъ тополей листы.

Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ.

Описаніе тутъ идетъ сверху внизъ. Сначала ночь въ своей совокупности, затѣмъ часть ея—небесный сводъ, затѣмъ звѣзды, на небосводѣ утвержденныя, затѣмъ ниже ихъ дремотный воздухъ и затѣмъ только царящіе надъ Бѣлой церковью высокіе тополи. Таже постепенность сверху внизъ въ распредѣленіи свѣта: луна на высотѣ, Бѣлая церковь во всей ея совокупности, гетманскіе сады и спрятавшійся въ нихъ старый замокъ. Но наблюденіе А. А. Тамамшева гораздо полнѣе и индивидуальнѣе для Пушкина. Постепенность, въ концѣ концовъ, это общее свойство всякаго истинно-художественнаго произведенія, благодаря которой художникъ постепенно подчиняетъ или „заражаетъ“ своимъ настроеніемъ читателя. И если можно вмѣнить ее Пушкину въ заслугу, то, главнымъ образомъ, за неуклонность, съ которой онъ всегда ей слѣдуетъ. Но вотъ *кольцо*—т. е. сначала *тезисъ*, развитіе его и въ заключеніе возвращеніе къ точкѣ отправленія—это приѣмъ уже не всеобщій. И вѣрность наблюденія А. А. Тамамшева доказывается тѣмъ, что сдѣланное надъ „Осенью“, оно можетъ быть прослѣжено и въ цѣломъ рядѣ другихъ Пушкинскихъ описаній. Такъ, въ описаніи украинской ночи стилистическое „кольцо“ гораздо даже ярче, чѣмъ въ „Осени“. Вѣдь тутъ начало и конецъ даже въ однихъ и тѣхъ-же словахъ выражены: *Тиха* украинская ночь, а въ концѣ: *И тихо, тихо* все кругомъ.

III.

Третья изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ статей— работа Александра Попова, помимо цѣннаго обзора весьма мало извѣстной у насъ французской эпиграмматической литературы XVIII вѣка, даетъ рядъ новыхъ, еще неотмѣченныхъ

паралелей съ произведеніями писателей, самыя имена которыхъ или мало, или даже совсѣмъ не упоминаются у нашихъ изслѣдователей. Когда заходитъ рѣчь о французскомъ вліяніи на творчество молодого Пушкина, мы, съ нѣкоторыми добавленіями, приводимъ всегда синодикъ, данный самимъ Пушкинымъ въ „Городкѣ“: Вольтеръ, Парни, Шолье, Грекуръ, Грессе и др. Но синодикъ этотъ, прежде всего, далеко не полонъ. Весьма бѣгло затѣмъ отмѣчается вліяніе Руссо,—не философа Жанъ Жака, а поэта Жана Батиста Руссо,—теперь забытаго, а въ свое время очень интересовавшаго литературный міръ и читателей. Смотрѣлъ на него, какъ на достойный образецъ и Пушкинъ, и указанія Попова впервые обращаютъ на это достодолжное вниманіе. Почти не упоминаютъ комментаторы о Лебрентѣ. А имя Понсъ де Вердена и совсѣмъ не встрѣчается въ работахъ, посвященныхъ изученію перваго періода творчества Пушкина. Оно не извѣстно даже Леониду Майкову, который въ примѣчаніяхъ къ Батюшкову и Пушкину показалъ себя такимъ прекраснымъ знатокомъ французской литературы.

Мнѣ всегда казалось необходимымъ болѣе детально обслѣдовать связь молодого творчества Пушкина не только съ крупными явленіями французской литературы XVIII вѣка, но и съ явленіями второстепенными и даже ея низами. И въ виду того, что наши бібліотеки не могутъ, конечно, дать всего необходимаго книжнаго матеріала, я приложилъ нѣкоторыя старанія къ тому, чтобы одинъ молодой изслѣдователь былъ командированъ въ Парижъ для соотвѣтствующихъ занятій въ Национальной Библіотекѣ. Къ сожалѣнію, ничего изъ этой попытки, хотя и принявшей нѣкоторыя реальныя формы, не вышло. Работа Александра Попова показываетъ, что такое обслѣдованіе французскихъ книгъ и особенно періодическихъ изданій, въ нашихъ бібліотекахъ не имѣющихся, навѣрное дастъ нѣчто новое. А. А. Поповъ самъ за границу не ѣздилъ, но онъ завелъ дѣятельную переписку съ учившимся въ Бельгii

товарищем своимъ Б. В. Томашевскимъ, и тотъ для него и приобрѣталъ рѣдкіе сборники и наводилъ справки въ разныхъ изданіяхъ конца XVIII вѣка и начала XIX-го.

IV.

Этюдъ Юліана Оксмана представляетъ собою первую попытку дать комментарий къ программѣ Пушкина о паписѣ Іоаннѣ. Программа имѣется, конечно, во всѣхъ изданіяхъ Пушкина, но печатается безъ какихъ-бы то ни было поясненій *). Авторъ этюда даетъ реальный комментарий о самомъ фактѣ, а затѣмъ — что самое цѣнное въ его работѣ — стремится объяснить, чѣмъ такой сюжетъ могъ привлечь къ себѣ вниманіе Пушкина. Тутъ, очевидно, не случайный интересъ къ эффектному сюжету, а психологическая связь съ творческими настроеніями Пушкина въ опредѣленную эпоху. Вполнѣ правильно отмѣчаетъ изслѣдователь, что въ галереѣ женскихъ образовъ Пушкина образъ паписсы не стоитъ одиноко „Съ своей пылающей душой, съ своими бурными страстями“ она входитъ въ цѣлый циклъ женскихъ образовъ, хотя и бѣгло, но опредѣленно очерченныхъ Пушкинымъ на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ:

„Въ будняхъ петербургскаго *свѣта*, въ анналахъ исторіи и въ анекдотахъ прошлаго — поэтa начинаетъ занимать одинъ и тотъ-же психологическій типъ, прямо противоположный стихійно-безсознательной силѣ обычныхъ его героинь. „Грѣшная дѣва“ „Полтавы“, съ ея „неженскою душой“, Клеопатра „Египетскихъ Ночей“, севильская графиня „Пажa“ (Она строга, властолюбива, но я дивлюсь ея уму); силуэтъ Юдиои, Полина изъ „Рославлева“ — съ ея протестомъ и пылкимъ вызовомъ („я не признаю уничиженія, къ которому принуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Stael.. А Шарлотъ Кордэ? А наша Марѳа Посадница? А княгиня Дашкова?“) дѣлаютъ

*) Въ моемъ изданіи примѣчанія къ программѣ появятся въ VII, дополнительномъ томѣ.

естественнымъ проявленіе творческаго интереса поэта къ миѳу о паписсѣ“.

Но сюжетъ никогда не покорялъ Пушкина, онъ былъ для него всегда лишь матеріаломъ, лишь тѣмъ кускомъ мрамора, которому даетъ жизнь и значеніе только настроенія ваятеля—творца. И Пушкинъ, какъ искусно, тонко и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне убѣдительно догадывается авторъ доклада, взявъ изъ легенды только остовъ ея, на этомъ фонѣ вполне самостоятельно задумалъ создать образъ Фауста въ женскомъ воплощеніи.

Къ догадкѣ автора можно прибавить, что въ словахъ программы, „il vaut mieux en faire un poème dans le style de Christabel ou bien en octaves“ можно найти еще одно доказательство справедливости догадки изслѣдователя: „Christabel“ — главная героиня одноименной поэмы Кольриджа, полной магіи и всякой иной средневѣковщины *).

О работѣ надъ составленіемъ Пушкинскаго Словаря, будетъ данъ отчетъ въ III т. Пока ограничусь сообщеніемъ, что работа эта—больше всего благодаря дѣятельному сочувствію слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ—быстрыми шагами идетъ къ своему завершенію.

Въ III т. будетъ данъ отчетъ и о другомъ начинаніи, о которомъ было заявлено въ предисловіи къ I т.—о созданіи Пушкинскаго Общества. Пока тоже ограничусь краткимъ сообщеніемъ, что 5 дек. 1915 г. состоялось первое засѣданіе „Историко-Литературнаго кружка имени Пушкина при Петроградскомъ Университетѣ“ и что какъ-то опредѣленно чувствуется, что кружку предстоитъ хорошее будущее.

25 Января 1916 г.

С. Венеровъ.

*) Поэма могла стать извѣстной Пушкину по отрывку, переведенному Козловымъ („Сынъ Отеч.“ 1823,) и по подлиннику. Пушкинъ очень интересовался Кольриджемъ, и въ библиотекѣ поэта сочиненія его и письма имѣются въ трехъ изданіяхъ (*Модзалевскій*, „Библиотека А. С. Пушкина“ стр. 198).

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей профессора С. А. Венерова.

II.

ПЕТРОГРАДЪ.
Фотогилія и Типографія А. Ф. Дресслера, В. О., 2 линия, 43.
1916.